
«Рождественская ловушка для инспектора Джона Честертона»
Альбион
Индира Дол
18+

Индира Дол

«Рождественская ловушка для инспектора Джона Честертона»

https://litres.ru/74990613
SelfPub; 2026

Аннотация

Утром в рождественский сочельник инспектор Скотленд-Ярда Джон Честертон получает конверт с приглашением на закрытый ужин в лондонский клуб «Альбион». Письмо подписано лордом Себастьяном Эшфордом — человеком, чей некролог напечатан в утренней «Таймс» на соседней странице!

Вместе со своим верным другом Генри Уоткинсом инспектор прибывает на Сент-Джеймс-стрит, где за столом уже собрались пятеро испуганных гостей. В рождественских крекерах на тарелках вместо поздравлений оказываются зловещие стихи-предсказания, а в запертом клубе один за другим начинают погибать приглашённые — всякий раз под видом трагической случайности прямо на глазах у полиции. Атмосфера старой Англии, классический детектив в духе блестящей психологической дуэли. Книга серии об инспекторе Джоне Честертоне.

Индира Дол «Рождественская ловушка для инспектора Джона Честертона»

Часть I. Глава 1.

Утро двадцать четвёртого декабря выдалось в Лондоне таким, каким его обычно изображают лишь на старинных рождественских открытках в витринах книжных и бумажных лавок на Риджент-стрит — без привычного удушливого жёлтого тумана, который неделями стелился над Темзой, пропитывая сыростью шерстяные пальто и заставляя газовые фонари гореть тусклыми, болезненными пятнами среди бела дня. Накануне Рождества небо над столицей Британской империи очистилось до прозрачной, звонкой лазури; ударил колючий, сухой, по-настоящему континентальный мороз, а с самого рассвета с вышины начал неторопливо опускаться тихий, пушистый снег, укутывая чёрные чугунные ограды, крутые черепичные крыши, каменных львов на Трафальгарской площади и начищенные до блеска медные дверные молотки на дубовых дверях старинных особняков.

Над заснеженными, кружевными кронами вековых ду-

бов Риджентс-парка висело низкое, бледно-розовое зимнее солнце, бросающее длинные сиреневые тени на нетронутые сугробы. По широкой, величественной Портленд-Плейс с весёлым, серебристым перезвоном бубенцов катили наёмные кэбы и редкие частные автомобили, разбрызгивая из-под колёс сухую снежную пыль; из кондитерских и булочных соседнего Мэрилебона тянуло густым, дурманящим ароматом имбирных пряников, корицы, гвоздики и жареных каштанов; на углах улиц уличные торговцы в потёртых твидовых кепках согревали ладони над жаровнями с раскалёнными углями, а у входа в подземку мальчишка-газетчик в огромном, не по росту шерстяном шарфе звонко выкрикивал заголовки утренних выпусков, притопывая замёрзшими башмаками по обледенелому граниту тротуара.

В просторной, исполненной фамильного достоинства утренней гостиной родового особняка Честертонов на Портленд-Плейс царила та особая, неторопливая британская благодать, которой так дорожил действующий инспектор Скотленд-Ярда Джон Честертон. В широком камине из тёмного резного мрамора весело потрескивали сухие дубовые поленья, бросая тёплые багровые отблески на фамильные портреты предков в потемневших золочёных рамах, на корешки старинных юридических и криминалистических фолиантов в застеклённых ореховых шкафах, на медный барометр у двери и на коллекцию редких вересковых трубок на специальной стойке.

Сам инспектор сидел в глубоком кожаном кресле, положив ногу на ногу, и с нескрываемым удовольствием потягивал из тонкой фарфоровой чашки с кобальтовым узором крепкий утренний индийский чай со сливками. На Джоне Честертоне был безупречно скроенный домашний костюм из мягкой шотландской шерсти тёмно-серого оттенка, под которым виднелся ослепительно белый накрахмаленный воротничок сорочки с аккуратно повязанным шёлковым галстуком; его гладкий, волевой подбородок был чисто выбрит, тёмные, густые с лёгкой благородной проседью у висков волосы аккуратно зачёсаны назад, а в спокойных, проницательных глазах светилось то безмятежное умиротворение, какое бывает у человека, честно заслужившего короткую передышку после череды запутанных лондонских расследований.

В соседнем кресле у очага, укрыв колени тёплым клетчатым пледом и неторопливо просматривая биржевые и светские колонки утренней «Таймс», сидел его отец — сэр Оливер Честертон, седовласый аристократ с благородной осанкой, острым умом и живыми, чуть насмешливыми глазами, всегда гордившийся тем, что его сын предпочёл тихой кабинетной карьере в Палате лордов беспокойную службу в управлении на набережной Виктория-Эмбенкмент.

А у высокого стрельчатого окна, за которым заснеженная Портленд-Плейс напоминала ожившую гравюру из рождественских повестей Чарльза Диккенса, стоял верный друг,

спутник и бессменный хронист инспектора Генри Уоткинс, заглянувший к Честертонам на утренний рождественский завтрак. Высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти с открытым, добродушным лицом, аккуратными светлыми усами и живыми карими глазами, одетый в тёплый коричневый твидовый пиджак с кожаными заплатами на локтях, Генри с улыбкой наблюдал за тем, как внизу мальчишка-посыльный с трудом удерживает в руках целую пирамиду из перевязанных алыми атласными лентами картонных коробок, и тихонько насвистывал мелодию старинного рождественского гимна «Добрый король Венцеслав».

— Знаете, мой дорогой Генри, и вы, отец, — негромко произнёс инспектор Честертон, кладя чайную ложку на блюдце и с лёгкой улыбкой оглядывая уютную гостиную, — в такие утра я готов простить Лондону даже его унылую ноябрьскую слякоть, промозглые ветры с Темзы и вечные сквозняки в коридорах Скотленд-Ярда. Поглядите, какой удивительный, почти неправдоподобный покой! В утренних сводках нашего управления на набережной за минувшие сутки — ни одной кражи со взломом в Мейфэре, ни одного дерзкого шантажа в Сити, ни одного таинственного исчезновения наследников в графствах. Сдаётся мне, что даже самые отъявленные и хладнокровные негодяи Вест-Энда решили взять законный рождественский отпуск и мирно посидеть у домашнего очага с горячим сливовым пудингом.

— Не спеши искушать судьбу, сын мой, — добродушно

усмехнулся сэр Оливер, поправляя золотое пенсне и переворачивая хрустящую газетную страницу. — Стоит тебе произнести вслух слово «покой», как в нашу дверь непременно стучится какая-нибудь головоломка, от которой у старшего инспектора Лестрейда седеют последние волосы на висках. Помнится, в прошлом году в Кенсингтоне ты точно так же собирался в оперу, а вместо этого трое суток искал отравленный флакон!

— Ваша правда, сэр Оливер! — подхватил Генри Уоткинс, оборачиваясь от окна и подходя к камину, чтобы согреть ладони над огнём.

Массивная дубовая дверь гостиной бесшумно отворилась, и в комнату с безупречной выправкой вошёл Барнаби — семейный дворецкий Честертонов. Строгий чёрный фрак, ослепительно белый галстук-бабочка, седые бакенбарды и невозмутимое достоинство выдавали в нём слугу старой британской школы. Подойдя к креслу хозяев, Барнаби слегка склонил голову и протянул инспектору тяжёлый чеканный серебряный поднос, на котором среди ярких рождественских открыток с красногрудыми малиновками, омелой и заснеженными деревенскими церквями белел плотный, продолговатый конверт из дорогой кремовой бумаги с тиснёным дворянским гербом на клапане и крупной каплей тёмно-вишнёвого сургуча.

— Утренняя почта, сэр Джон, — тихо, с вековой предупредительностью доложил дворецкий. — Посыльный опу-

стил этот конверт в почтовый ящик у парадного крыльца четверть часа назад и поспешно удалился в сторону Риджентс-парка.

— Благодарю вас, Барнаби, вы свободны, — кивнул инспектор, беря конверт за самый уголок, словно редкую бабочку, и поднося его к свету настольной лампы с зелёным стеклянным абажуром, прежде чем коснуться бумаги костяным ножом для разрезания страниц.

— Любопытный экземпляр, — вполголоса заметил Джон Честертон, прищурив серые глаза и внимательно разглядывая лицевую сторону послания. — Бумага плотная, ручной выделки, с характерным водяным знаком старинной фабрики в графстве Кент — такую заказывают лишь для частных библиотек и закрытых джентльменских клубов. Адрес написан густыми чёрными чернилами, стальным пером с тонким расщепом... Почерк твёрдый, размашистый, принадлежащий человеку властному, привычному повелевать и не терпящему возражений, хотя в самом конце последней буквы моей фамилии заметно лёгкое, едва уловимое дрожание кисти — словно писавший торопился или испытывал сильное душевное волнение. И заметьте, Генри: внутри конверта помимо сложенного листа бумаги находится какой-то небольшой, но увесистый металлический предмет.

С этими словами Честертон аккуратно взрезал верхний край конверта, извлёк сложенный вдвое плотный бланк с гравированным золотым вензелем знаменитого закрытого

клуба *«Альбион»* на Сент-Джеймс-стрит — и на столик красного дерева с тихим, мелодичным звоном выпал маленький старинный ключ из потемневшей от времени латуни, к фигурному ушку которого на тонкой алой шёлковой нити была привязана крошечная картонная бирка с отпечатанной на машинке надписью.

Сэр Оливер с любопытством подался вперёд в кресле, а Генри Уоткинс шагнул ближе, склонившись над столиком и разглядывая загадочный ключ, пока инспектор пробегал глазами короткие, чёткие строки письма.

— Ну-с, что там такое, Джон? — не утерпел хронист. — Неужто тайное приглашение на благотворительный маскарад в Мейфэре или просьба отыскать пропавшую брошь какой-нибудь герцогини?

— Не совсем, мой друг, — тихо проговорил Честертон, и его густые тёмные брови медленно поползли вверх, а в спокойных сине-зеленых глазах вспыхнул знакомый острый огонёк охотничьего азарта. — Нас с вами приглашают сегодня ровно к восьми часам вечера на закрытый рождественский ужин в старинный клуб «Альбион». Автор письма излагает свою просьбу весьма категорично: *«Дорогой инспектор Честертон, в этот рождественский сочельник я намерен собрать за одним столом пятерых людей, с которыми меня связывает старый и тяжёлый долг чести, и в вашем присутствии огласить правду, способную потрясти лондонское общество. Прилагаю ключ от дубового ларца, сто-*

ящего в библиотеке клуба — открыть его надлежит ровно в полночь, под бой часов. Явка ваша и мистера Уоткинса обязательна, если вы дорожите торжеством правосудия и честным именем английского закона».

— Весьма драматично, в духе дешёвых вечерних мелодрам из театров на Стрэнде! — фыркнул Генри, осторожно беря за шёлковую нить латунный ключ и разглядывая его на свет. — На бирке написано: *«Для инспектора Скотленд-Ярда. Вскрыть в двенадцать»*. И кто же этот эксцентричный любитель театральных эффектов?

— Письмо подписано лордом Себастьяном Эшфордом, — ответил инспектор, переворачивая лист и сверяя размашистую, властную подпись с датой в правом верхнем углу. — Известнейшим лондонским судовладельцем, промышленником, коллекционером редких манускриптов и одним из старейших попечителей клуба «Альбион». Вы ведь знали его в Палате лордов, отец?

Услышав это имя, сэр Оливер Честертон вдруг замер с полуоткрытым ртом, медленно снял золотое пенсне и с глубоким, неподдельным изумлением посмотрел на сына, а затем перевёл взгляд на развёрнутый лист утренней «Таймс» у себя на коленях.

— Лорд Себастьян Эшфорд?! Помилуй бог, Джон, что за нелепый розыгрыш?! Я действительно знал Себастьяна тридцать лет по клубу «Альбион» — человек он был крутого нрава, но отнюдь не склонный к шутовству. Однако взгля-

ни-ка сюда, на третью полосу сегодняшней «Таймс», которую я только что читал!

Инспектор Честертон и Генри Уоткинс разом подошли к креслу сэра Оливера, склонились над развёрнутым газетным листом — и на миг в уютной гостиной на Портленд-Плейс повисла такая глубокая, звенящая тишина, что было слышно, как за окном тихонько шуршит осыпающийся с черепичного карниза снег и мерно тикают старинные бронзовые часы на каминной полке.

В правой колонке третьей полосы, обведённой жирной чёрной траурной рамкой, чёрным по белому значилось:

«Трагическая гибель лорда Себастьяна Эшфорда. С глубоким прискорбием сообщаем, что вчера вечером, двадцать третьего декабря, около восьми часов пополудни, личный автомобиль его сиятельства лорда Себастьяна Эшфорда на крутом повороте обледенелого шоссе близ Гилдфорда занесло на сильном гололёде, в результате чего экипаж пробил деревянное ограждение старого моста и рухнул в ледяную воду реки Вей. Прибывшая на место происшествия полиция графства Суррей с помощью местных жителей извлекла из воды тело погибшего; по заключению окружного коронера, смерть наступила мгновенно от перелома шейных позвонков и переохлаждения».

Инспектор Джон Честертон медленно выпрямился, взял со столика кремовый конверт, поднёс его к самым глазам и внимательно изучил отчётливый чёрный кружок почтового

штемпеля в правом верхнем углу рядом с маркой с профилем короля.

— Письмо погашено на почтамте Пикадилли сегодня утром, в семь часов тридцать минут, — ровным, спокойным, почти ледяным голосом произнёс детектив, вертя в пальцах маленький латунный ключ. — Ровно через одиннадцать с половиной часов после того, как его отправитель официально утонул в реке Вей в сорока милях от Лондона.

— Чертовщина какая-то, Джон! — воскликнул Генри Уоткинс, проводя рукой по лицу и с недоумением переводя взгляд с газетного некролога на тиснёный герб клуба «Альбион». — Либо репортёры «Таймс» и полиция графства Суррей всё перепутали и в реке погиб какой-нибудь шофёр или случайный спутник лорда, либо кто-то в Лондоне затеял в сочельник жестокую, кощунственную мистификацию от имени покойника! Вы ведь не пойдёте на этот сомнительный ужин, верно?

— Напротив, мой дорогой Генри, — мягко сказал инспектор, аккуратно опуская маленький латунный ключ в карман жилета рядом со своими серебряными часами и бросая взгляд на отца. — Полагаю, вы согласитесь со мной, отец: когда старый пэр Англии присылает сыщику Скотленд-Ярда ключ и просит к столу в сочельник даже из-за черты небытия, отказать ему было бы верхом британской невежливости. К тому же, если кто-то в Лондоне осмелился использовать имя погибшего попечителя «Альбиона» для сбора пяте-

рых неизвестных нам лиц, прямой долг управления с Виктория-Эмбенкмент — выяснить, что за ловушка готовится сегодня вечером за закрытыми дверями клуба. Распорядитесь, пожалуйста, насчёт экипажа через Барнаби ровно к половине восьмого, отец — сегодня вечером мы с Генри поужинаем в обществе покойника!

Часть I. Глава 2.

К восьми часам вечера в рождественский сочельник Лондон преобразился окончательно, словно невидимый театральный декоратор за несколько часов сменил утреннюю акварель на суровую гравюру в тёмных, мистических тонах. Лёгкий пушистый снег, ещё утром неторопливо круживший-ся над крышами Мэрилебона, к сумеркам повалил густой, безмолвной, тяжёлой пеленой, укутывая чёрные георгианские фасады особняков, кованые чугунные решётки палисадников и замершие у тротуаров экипажи в толстые пуховые шубы. Сент-Джеймс-стрит — эта старинная, исполненная невозмутимого достоинства артерия аристократического Вест-Энда, обычно наполненная неспешным цокотом лошадиных копыт, шелестом шин и сдержанными голосами лондонских джентльменов, — в этот вечер казалась погружённой в глубокий викторианский сон. Редкие газовые фонари горели тусклыми, расплывчатыми золотыми ореолами сквозь летящую снежную мглу; из-за заснеженных

шпилей соседних приходских церквей доносился приглушённый, торжественный перезвон колоколов, призывающих прихожан к вечерней службе, а редкие запоздалые прохожие, глубже втягивая головы в поднятые меховые воротники, спешили поскорее укрыться в тепле домашних гостиных.

Когда закрытый кэб инспектора Джона Честертона и Генри Уоткинса, мягко поскрипывая колёсами по свежему насту, остановился у массивного гранитного крыльца закрытого джентльменского клуба *«Альбион»*, старинный трёхэтажный особняк встретил гостей тишиной, от которой у Генри невольно пробежал по спине лёгкий, неприятный холодок. Высокие стрельчатые окна второго этажа были наглухо задернуты тяжёлыми бордовыми плюшевыми портьерами, сквозь которые едва пробивалась узкая, янтарная полоска света; парадная дубовая дверь с начищенным медным гербом клуба — коронованным львом, держащим в лапах перекрещённые якорь и свиток, — была плотно затворена, а над крыльцом не горел привычный парадный фонарь, обычно зажигаемый в вечера больших клубных приёмов.

— Поглядите-ка, Джон, ни одного экипажа у подъезда, ни единого лакея на крыльце, — негромко заметил Генри Уоткинс, расплачиваясь с заснеженным кэбменом и подхватывая свою трость из тёмного дуба. — Сдаётся мне, сегодня клуб «Альбион» закрыт для всех посторонних членов общества, и весь особняк отдан в полное распоряжение нашего странного сборища.

— Вполне естественная предосторожность для человека, который накануне официально утонул в реке Вей, — сухо усмехнулся инспектор Честертон, поправляя воротник тёмно-синего драпового пальто и поднимаясь по обледенелым ступеням.

Не успел сыщик поднять руку в замшевой перчатке к тяжёлому бронзовому кольцу дверного молотка, как массивная дубовая створка бесшумно отворилась внутрь, словно за пустынной улицей пристально наблюдали из полутёмного вестибюля. На пороге возник пожилой дворецкий в безупречно выглаженном чёрном фраке, белом галстуке-бабочке и ослепительно белых нитяных перчатках. Его пышные седые бакенбарды были аккуратно расчёсаны, худощавая спина оставалась прямой, несмотря на преклонные годы, а глубоко морщинистое, пергаментное лицо не выражало ровно никаких эмоций, кроме той невозмутимой, вековой предупредительности, которой славится прислуга старейших лондонских клубов.

— Добрый вечер, джентльмены, — тихим, ровным, чуть дребезжащим от старости голосом произнёс он, сдержанно склонив седую голову и принимая у гостей заснеженные пальто, кашне и цилиндры. — Инспектор Скотленд-Ярда Джон Честертон и мистер Генри Уоткинс? Его сиятельство распорядился ожидать вас ровно к восьми часам. Позвольте проводить вас в Малую Каминную гостиную на втором этаже. Все остальные гости уже в сборе.

Вестибюль клуба «Альбион» дышал стариной и тихим величием: клетчатый пол из чёрного и белого каррарского мрамора тускло поблёскивал в свете единственного газового рожка в бронзовом бра; вдоль стен высились мраморные бюсты прежних попечителей клуба и висели зачехлённые на зиму огромные зеркала в золочёных барочных рамах. Поднимаясь следом за слугой по широкой дубовой лестнице, устланной толстым, поглощающим всякий звук малиновым ворсистым ковром, инспектор Честертон едва заметно коснулся локтя своего друга и тихо шепнул ему на ухо, так, чтобы идущий впереди дворецкий не мог расслышать ни слова:

— Приглядитесь повнимательнее к старому слуге, мой дорогой Генри. В утренней «Таймс» напечатан официальный некролог лорда Себастьяна Эшфорда, а на левом рукаве фрака этого достойного человека нет ни малейшего намёка на чёрную траурную повязку. Либо он обладает поистине железным, спартанским хладнокровием, либо твёрдо убеждён, что его хозяин жив и здоров.

— Но как же полиция графства Суррей и окружной коронер в Гилдфорде? — шёпотом возразил Генри, поглядывая на темнеющие в полумраке портреты суровых адмиралов и государственных мужей прошлого века. — Неужели в ледяной воде реки Вей они нашли кого-то другого, а газетчики поспешили похоронить пэра Англии?

— Вот это мы сейчас и выясним, мой друг, — так же тихо ответил детектив, поправляя лацканы строгого вечернего

смокинга и входя в распахнутую перед ними высокую двустворчатую дверь.

Малая Каминная гостиная клуба «Альбион» была устроена с той сдержанной, старомодной роскошью, в которой на протяжении столетий вершились судьбы британских капиталов, колониальных компаний и громких репутаций. Стены её были обшиты тёмным, почти чёрным морёным дубом с тонкой геральдической резьбой; в широком камине из серого шотландского мрамора весело гудело и потрескивало живое пламя сухих поленьев, бросая тёплые янтарные отблески на глубокие, потёртые кожаные кресла, расставленные полукругом у очага; на резном буфете красного дерева поблёскивали хрустальные графины с золотистым хересом и рубиновым портвейном, а посреди комнаты стоял овальный стол, торжественно накрытый на восемь персон — с ослепительно белой накрахмаленной дамасской скатертью, тонким костяным фарфором, двумя высокими серебряными канделябрами, в которых горели восковые свечи, и живой веткой колючего остролиста с яркими алыми ягодами в самом центре.

Пятеро приглашённых уже находились у камина, сжимая в руках хрустальные рюмки и ведя ту скованную, неестественно вежливую светскую беседу, за которой в английских гостиных обычно прячут острый страх или дурное предчувствие. Едва инспектор Джон Честертон переступил порог, разговоры оборвались на полуслове, словно перерезанные ножом, и пять пар глаз с нескрываемым напряжением и тре-

вогой устремились на вошедших.

Честертон сдержанно, вежливо поклонился и одним быстрым, цепким, проницательным взглядом окинул всё общество — точно так же, как опытный шахматист оценивает расстановку фигур на доске перед началом трудной партии: Леди Беатрис Мортон — эффектная, статная светская львица лет сорока в роскошном тёмно-изумрудном бархатном платье с открытыми плечами, высокой причёске, украшенной бриллиантовой шпилькой, и тяжёлой нитке крупного морского жемчуга. Она держала рюмку с безупречной аристократической грацией, однако её тонкие пальцы в дорогих кольцах нервно сжимали ножку хрусталя, а в тёмных, выразительных глазах застыла холодная, настороженная тревога. Полковник в отставке Ричард Торнтон — сухощавый, подтянутый военный лет шестидесяти с густыми седыми усами, волевым квадратным подбородком, строгим взглядом выцветших голубых глаз и старым белёсым шрамом над правой бровью, полученным некогда на колониальной службе. Он стоял у каминной полки прямо, словно на плацу, и то и дело бросал раздражённые, подозрительные взгляды на закрытую дубовую дверь в глубине гостиной. Филипп Спенсер — молодой, холёный наследник известной лондонской фамилии лет двадцати шести, одетый по самой последней моде с Сэвил-Роу, с бледным, нервным лицом, резкими чертами и тёмными кругами под глазами. Он старался изображать скучающее светское равнодушие, но пальцы его беспре-

станно, судорожно теребили тонкий шёлковый шнурок золотого монокля. Мисс Марта Коллинз — скромная, невысокая женщина средних лет в строгом тёмно-сером закрытом платье с белым кружевным воротничком, гладко зачёсанными в узел волосами и круглых очках в тонкой золотой оправе, личный секретарь лорда Эшфорда. Она сидела чуть поодаль от остальных на самом краешке стула, прижав к коленям чёрный атласный ридикюль. Доктор Эдмунд Грей — солидный, слегка полноватый врач лет пятидесяти с аккуратно подстриженной рыжеватой бородкой, мягкими, обходительными манерами и добродушным, располагающим лицом, в старомодном чёрном сюртуке и золотых очках. При виде сыщика Скотленд-Ярда доктор поспешно отложил рюмку на поднос, вытер лоб белоснежным батистовым платком и с явным облегчением перевёл дух.

— Слава богу, хоть кто-то из полиции! — не выдержал доктор Грей, первым нарушая тягостную тишину и быстрыми шагами направляясь навстречу вошедшим. — Простите за излишнюю резкость, сэр, но мы все здесь буквально сходим с ума от неизвестности! Вы ведь инспектор Джон Честертон из Скотленд-Ярда?

— Совершенно верно, доктор, — мягким, бархатным, успокаивающим голосом ответил детектив, подходя к огню и вежливо кивая присутствующим. — Инспектор Джон Честертон, а это мой друг, помощник и хронист мистер Генри Уоткинс. Полагаю, дамы и господа, все вы, как и мы, полу-

чили сегодня утром кремовый конверт с приглашением на рождественский ужин от лорда Себастьяна Эшфорда?

— Это какая-то чудовищная, кощунственная выходка! — громовым, отрывистым голосом прогремел полковник Ричард Торнтон, стукнув костяшками пальцев по мраморной полке камина так, что тихонько звякнули бронзовые часы. — Вчера вечером автомобиль Эшфорда сорвался с обледенелого моста близ Гилдфорда! Полиция графства Суррей официально подтвердила его гибель в реке Вей, утренние газеты полны траурных некрологов, а сегодня в восемь утра каждый из нас получает от него письмо с припиской: *«Явка в клуб „Альбион“ обязательна, если вы дорожите своим добрым именем и спокойствием»*! Я явился сюда лишь затем, чтобы выяснить, кто из лондонских мерзавцев осмелился так нагло глумиться над памятью покойного!

— Не могу не согласиться с полковником, — холодным, звенящим от сдерживаемого гнева голосом поддержала его леди Беатрис Мортон, бросив быстрый, колючий взгляд на молодого Филиппа Спенсера. — Подобные рождественские розыгрыши заслуживают самого сурового и немедленного наказания, инспектор.

— Уверяю вас, леди Беатрис, я приехал сюда с той же самой целью, — невозмутимо ответил Джон Честертон, медленно поворачиваясь к пожилому дворецкому, который всё это время скромно и неподвижно стоял у входной двери. — Скажите, любезный, как вас зовут и кто именно отдал рас-

поряжение накрыть этот праздничный стол?

Дворецкий слегка склонил седую голову, и в наступившей вдруг тишине гостиной его голос прозвучал отчётливо и спокойно, как удар маятника напольных часов:

— Моё имя Томас, сэр. Я служу в клубе «Альбион» тридцать восемь лет. Этот рождественский ужин был заказан лично его сиятельством лордом Себастьяном Эшфордом ровно неделю назад, сэр. Что же касается утренних газет... простите старика, но с самого рассвета я был занят подготовкой зала, чисткой серебра и проверкой погреба, а потому газет сегодня в руки не брал.

— Стало быть, вы ничего не знали о трагедии на мосту в графстве Суррей? — уточнил инспектор, внимательно глядя в выцветшие старческие глаза слуги.

— Никак нет, сэр, — с искренним недоумением покачал головой Томас. — Да и как я мог знать о кончине его сиятельства, ежели сегодня ровно в шесть часов вечера лорд Эшфорд собственной персоной прибыл в клуб, прошёл вот в эту соседнюю курительную комнату и приказал ни под каким предлогом не беспокоить его ровно до половины девятого?

В Малой Каминной гостиной повисла такая мёртвая, леденящая тишина, что, казалось, в комнате разом погасли все свечи и застыл сам воздух. Полено в камине с громким треском рассыпалось снопом золотых искр; мисс Марта Коллинз побледнела как мел и судорожно вцепилась пальцами в свой чёрный ридикюль, а молодой Филипп Спенсер, пошатнув-

шись, схватился за резную спинку стула, словно услышал свой собственный смертный приговор.

Часть I. Глава 3.

Слова пожилого дворецкого Томаса повисли в тёплом, густо настоянном на запахе пчелиного воска, дорогого гаванского табака и старого портвейна воздухе Малой Каминной гостиной, словно тяжёлый, бархатный театральный занавес, отрезающий собравшихся от остального Лондона. Никто из пятерых приглашённых гостей не проронил ни единого звука; лишь старинные бронзовые часы на мраморной каминной полке с тихим, неумолимым серебряным звоном отбили четверть девятого, а за плотно задернутыми тяжёлыми бордовыми портьерами глухо зашумел порыв декабрьского ветра, швырнувший в замёрзшее оконное стекло пригоршню сухого, колючего снега.

Первым овладел собой полковник в отставке Ричард Торнтон. Его густые, тщательно подкрученные седые усы воинственно зашевелились, квадратный подбородок упрямо выдвинулся вперёд, а на загорелых от долгой колониальной службы скулах проступили тёмные багровые пятна гнева и оскорблённого офицерского достоинства.

— Послушайте, любезный, вы либо выжили из ума от преклонных лет, либо принимаете нас за доверчивых йоркширских провинциалов! — прогремел полковник, решительно

шагнув через весь персидский ковёр к массивной дубовой двери в дальней стене, за которой скрывалась курительная комната. — Если лорд Эшфорд, вопреки всем законам природы, здравого смысла и официальным рапортам полиции графства Суррей, действительно сидит сейчас за этой перегородкой, я намерен немедленно потребовать у него объяснений!

— Прошу прощения, господин полковник, но у меня строжайший, не подлежащий обсуждению приказ его сиятельства, — невозмутимо возразил дворецкий Томас, даже не сдвинувшись с места у входной двери, хотя его выцветшие, слезящиеся от старости глаза на миг тревожно скользнули в сторону инспектора Джона Честертона. — Лорд Эшфорд предупредил меня, что ровно в половине девятого он сам выйдет к столу, а до той минуты просил уважаемых гостей отведать рождественской черепаховой похлёбки, дабы не остыла на серебре, и непременно вскрыть перед началом ужина рождественские хлопушки, кои его сиятельство изволили положить на каждую тарелку.

— Черепаховой похлёбки и рождественских хлопушек?! В обществе воскресшего покойника?! — нервно, срывающимся фальцетом рассмеялся молодой Филипп Спенсер, судорожно поправляя сбившийся набок чёрный шёлковый галстук и бросая быстрый, полный животной паники взгляд на леди Беатрис Мортон. — Благодарю покорно, но у меня от таких эксцентричных шуток пропал всякий аппетит! По-мо-

ему, нам всем следует немедленно покинуть этот сумасшедший дом!

— А вот я, напротив, нахожу распоряжение нашего загадочного хозяина весьма разумным и любопытным, — мягким, спокойным, бархатным голосом вмешался инспектор Джон Честертон, неторопливо подходя к овальному столу и с безупречной светской грацией отодвигая стул с высокой резной спинкой. — Вьюга на Сент-Джеймс-стрит нынче не располагает к пешим прогулкам, кэбов у крыльца нет, до половины девятого остаётся всего двенадцать минут, а тарелка горячего наваристого супа ещё никому не мешала ясности мысли и твёрдости духа. Прошу к столу, дамы и господа. Займём наши места согласно присланным карточкам.

Авторитет одного из лучших сыщиков Скотленд-Ярда подействовал безотказно. Переглянувшись с нескрываемым неудовольствием, гости с явной неохотой поднялись из глубоких кожаных кресел и медленно подошли к накрытому столу. Во главе стола, прямо напротив пылающего мраморного камина, возвышалось массивное дубовое кресло с гербом клуба на спинке, оставленное пустым — на ослепительно белой накрахмаленной дамасской скатерти перед ним стоял начищенный до зеркального блеска серебряный прибор, хрустальные бокалы для хереса и шампанского и лежал запечатанный продолговатый конверт из плотной бумаги.

Инспектор Честертон сел по правую руку от пустого кресла хозяина, Генри Уоткинс занял место напротив него, а

остальные пятеро приглашённых разместились по обе стороны овального стола согласно изящным каллиграфическим карточкам, вставленным в серебряные держатели. На фарфоровой тарелке каждого из пяти гостей — и только у них, ибо перед приборами Честертона и Генри лежали лишь туго накрахмаленные салфетки в серебряных кольцах — покоилась нарядная британская рождественская хлопушка: традиционный праздничный крекер в хрустящей обёртке из золотистой и алой фольги, перетянутый по краям узкими шёлковыми лентами с кисточками.

— Ну-с, господа, соблюдём добрый старинный английский обычай, без которого в Лондоне не обходится ни один сочельник, — с лёгкой, ободряющей улыбкой произнёс Джон Честертон, наблюдая за тем, как пожилой официант в белых нитяных перчатках бесшумно расставляет перед гостями дымящиеся фарфоровые супницы. — Вскроем рождественские крекеры, пока черепаховая похлёбка не остыла.

Гости неуверенно, словно опасаясь скрытого подвоха, взялись за края шёлковых лент и потянули их в стороны. По Малой Каминной гостиной прокатилась серия сухих, резких, оглушительных хлопков, до жути напоминающих пистолетные выстрелы; в тёплый воздух взлетели блестящие золотистые конфетти и сложенные из тонкой папиросной бумаги разноцветные короны, а на белоснежную скатерть перед каждым из пятерых выпала узкая полоска плотного кремового пергамента, свёрнутая в аккуратную трубочку.

Первым развернул свой свиток полковник Ричард Торнтон. Пробежав глазами две короткие строчки, написанные мелким, убористым почерком, старый военный вдруг побагровел до корней седых волос, сжал пергамент в сухом жилистом кулаке и глухо выругался сквозь стиснутые зубы:

— Что за дьявольская мерзость?! Кто из негодяев осмелился подложить эту пакость?!

— Что там написано, полковник? — негромко, с холодной настороженностью спросил инспектор Честертон, подаваясь вперёд над столом.

Вместо ответа полковник с яростью швырнул скомканную полоску бумаги на скатерть перед сыщиком. Следом за ним, побелев как мел и судорожно прижав руку к горлу, выронила свой свиток леди Беатрис Мортон; тихо, сдавленно вскрикнула мисс Марта Коллинз, едва не опрокинув рюмку с хересом; нервно сглотнул побелевшими губами Филипп Спенсер, а доктор Эдмунд Грей с тяжёлым, скорбным вздохом положил свою бумажку рядом с серебряными приборами, сняв золотые очки и принявшись торопливо протирать стёкла платком.

Инспектор Джон Честертон неторопливо разгладил на скатерти все пять полосок пергамента и по очереди прочитал вслух все пять рождественских предсказаний — и с каждым новым двустишием в Малой Каминной гостиной словно становилось на несколько градусов холоднее, несмотря на жаркое пламя в камине:

— У полковника Ричарда Торнтона значится: *«Кто в кресле у огня запрётся в тишине — тому не встретить утро в вышине»*.

У леди Беатрис Мортон: *«Кто в капле серебра захочет страх унять — тот ляжет в мягкий шёлк и не проснётся вновь»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.